

ПРАВО
И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

**КОДИФИКАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ГРАЖДАНСКОГО
ПРОЦЕССА В РЕСПУБЛИКЕ ГРУЗИЯ¹**

© 2012 г. Наталия Юрьевна Ерпылева², Ирина Викторовна Гетьман-Павлова³

Краткая аннотация: в статье исследуются вопросы кодификации международного гражданского процесса в Законе Республики Грузия “О международном частном праве”, вступившем в силу с 1 октября 1998 г.

Annotation: the present article is dedicated to the codification of International Civil Procedure in the Law of Republic of Georgia “On Private International Law”, which came into force on 1 October 1998.

Ключевые слова: международное частное право, международный гражданский процесс, комплексная автономная кодификация, процессуальные коллизионные нормы, международная судебная юрисдикция.

Key words: Private International Law, International Civil Procedure, comprehensive autonomous codification, procedural conflict rules, international jurisdiction.

Закон Республики Грузия был принят 14 лет назад и явил собой пример комплексной автономной кодификации МЧП/МГП⁴. Этот нормативный акт представляется весьма примечательным как по объему регулирования и комплексности своего подхода, так и в связи с проблемой рецепции иностранного права⁵.

Закон Грузии был подготовлен немецкими специалистами. В российской литературе неоднократно подчеркивалась ориентированность Закона Грузии на немецкое международное частное право (далее – МЧП)⁶. Это признается и в грузинской доктрине права: “Фундаментальные обновления грузинского законодательства нацелены на приведение его в соответствие с законодательством Германии, и признание решений иностранных судов не является исключением. Одна-

ко между нашими подходами есть очень важные различия, которые имеют серьезное значение для развития грузинского правосудия”⁷. Несмотря на то что немецкая правовая модель представляет собой главную основу и почву для грузинского законодательства в области права гражданского права, МЧП и гражданского процессуального права, в области международного гражданского процесса (далее – МГП) проявляются наиболее существенные различия.

Нормы немецкого МЧП кодифицированы во Вводном законе к Германскому гражданскому уложению (далее – Вводный закон к ГГУ). Кодификация норм МГП в ФРГ не произведена. Порядок рассмотрения частноправовых споров, связанных с иностранным правопорядком, в судах общей юрисдикции регулируется ГПК (Уставом гражданского судопроизводства 1877 г.). Производство в административных, финансовых и прочих судах регламентируется иными нормативными актами (например, Административным судебным уставом 1961 г.). Немецкая доктрина постоянно подчеркивает, что “разбросанность” норм МГП по разным нормативным актам и большое количество пробелов правового регулирования являются серьезными недостатками процессуального законодательства Германии⁸.

¹ В данной научной работе использованы результаты, полученные в ходе выполнения проекта “Кодификационные и унификационные процессы в международном частном праве”, выполненного в рамках программы “Научный фонд НИУ ВШЭ” в 2012 г., грант № 12-05-0020.

² Заведующая кафедрой международного частного права факультета права НИУ ВШЭ, доктор юридических наук, профессор (E-mail: natasha.erpyleva@rambler.ru).

³ Доцент той же кафедры НИУ ВШЭ, кандидат юридических наук (E-mail: getmanpav@mail.ru).

⁴ Под комплексной автономной кодификацией международного частного права и международного гражданского процесса авторы понимают принятие отдельного специального закона (кодекса), регулирующего и вопросы применимого права, и вопросы компетентной международной гражданской юрисдикции, и порядок рассмотрения споров, связанных с иностранным правопорядком.

⁵ См.: Международное частное право. Иностранное законодательство / Сост. А.Н. Жильцов, А.И. Муранов. М., 2001.

⁶ См., например: Звеков В.П. Коллизии законов в международном частном праве. М., 2007.

⁷ Svanadze G. Recognition of foreign judgments in Georgia: Is the Recognition of foreign judgments in Georgia predictable? (Comparative analyse) // http://www.google.ru/urlsa=t&rct=j&q=internationales%20privatrecht%20in%20georgia&source=web&cd=6&sqi=2&ved=0CFYQFjAF&url=http%3A%2F%2Fwww.mpipriv.de%2Fde%2Fdata%2Fpdf%2F2009_12_09_02.pdf&ei=0hVOT_eiOsbd4QTLk.pdf

⁸ См.: Шак Х. Международное гражданское процессуальное право. Учеб. / Пер. с нем. М., 2001.

При кодификации МГП Грузия отказалась от немецкой модели и предпочла воспользоваться опытом законодателей, объединяющих вопросы МЧП и МГП в едином правовом акте. В ст. 1 подчеркивается, что сфера применения Закона Грузии охватывает определение правопорядка, который применяется при наличии фактических обстоятельств дела, связанного с правом иностранного государства, определение норм процессуального права, применяемых при производстве по такому делу.

Особо следует обратить внимание на такой аспект сферы действия Закона Грузии, как “определение норм процессуального права, применяемых при производстве по такому делу”. Грузинский законодатель не только включил вопросы МГП в систему МЧП, объединив их в едином законе, но и продекларировал отказ от процессуального императива *lex fori*. Статья 1 указывает на возможность наличия процессуальных коллизионных норм и постановки процессуального коллизионного вопроса. Такая формулировка является чрезвычайно редкой – еще только венгерский законодатель очертил сферу действия законодательства о МЧП/МГП подобным образом⁹. На Закон Грузии сильное влияние оказал Закон Швейцарии о международном частном праве (1987 г.), но ни этот Закон, ни полностью воспринявшие швейцарскую модель Закон “Реформа итальянской системы международного частного права” (1995 г.) и Закон Бельгии “О Кодексе международного частного права” (2004 г.) не содержат даже похожих формулировок¹⁰.

Концепция, заложенная грузинским законодателем в ст. 1, представляется очень интересной и соответствующей самым современным подходам – применение иностранного материального права должно максимально возможно происходить в “родных” для него процессуальных категориях, т.е. в МГП также необходимо ставить коллизионный вопрос и при необходимости применять иностранное процессуальное право. В отече-

ственной литературе отмечается, что завершающее положение правила ст. 1, а именно: принципиальная возможность регулирования процессуальных отношений нормами иностранного права, – является весьма прогрессивным¹¹. К сожалению, в дальнейших положениях Закона эта концепция не получила должного подтверждения. Процессуальных коллизионных норм в Законе Грузии чрезвычайно мало.

Закон Грузии “О международном частном праве” вступил в силу 1 октября 1998 г. Закон построен по пандектной системе, состоит из 10 глав, включающих 74 статьи (ст. 74 имеет технический характер и определяет дату вступления Закона в действие). Структура Закона наглядно отражает влияние немецкого и швейцарского подходов к кодификации МЧП. С точки зрения кодификации Закон Грузии последовательно сохраняет баланс автономности каждой совокупности норм и принципа их органической связи¹². Вслед за гл. I “Общие положения” следует гл. II “Международная компетенция судов Грузии”. Последующие шесть глав посвящены коллизионному регулированию: лицам, сделкам, вещному, обязательственному, семейному и наследственному праву. Последняя гл. IX “Процессуальные нормы” регулирует вопросы, связанные с осуществлением процесса в грузинских судах, признанием и исполнением иностранных судебных решений. Таким образом, вопросы МГП сгруппированы в гл. II и IX.

Международная компетенция судов Грузии (гл. II)

Закрепление норм о международной гражданской юрисдикции в гл. II Закона Грузии сразу после общих положений демонстрирует прямое влияние швейцарского регулирования. Швейцарский законодатель первым пошел по пути подобного структурирования автономной комплексной кодификации МЧП. В отличие от “традиционного” подхода, когда нормы о международной подсудности, другие нормы, связанные с проведением процесса, и нормы о признании и принудительном исполнении иностранных решений выделяются в самостоятельные блоки международного гражданского процесса, Закон 1987 г. связывает нормы, относящиеся к судебной взаимопомощи, с нормами, определяющими юрисдикцию швейцарских судов. В российской доктрине подчерки-

⁹ См.: Указ Венгрии № 13 о международном частном праве 1979 г. (в ред. 2010 г.): “Настоящий Указ принимается в интересах развития мирных международных связей и в целях определения..., на основании каких норм о компетенции и процессуальных норм следует рассматривать правовые споры, содержащие иностранный элемент” (§ 1).

¹⁰ См., например: Закон Бельгии “О Кодексе международного частного права” 2004 г.: “Настоящий закон определяет компетенцию бельгийских судов в международной сфере, определение применимого права и условия действия на территории Бельгии судебных решений и подобных инструментов по гражданским и торговым делам” (ст. 2) // Журнал МЧП. 2008. № 2(60).

¹¹ См.: Колобов Р.Ю. Основы построения и функционирования международного частного права. Дисс. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2006.

¹² См.: Светланов А.Г. Международный гражданский процесс: современные тенденции. М., 2002.

вается, что швейцарский Закон обеспечил весьма удачную кодификацию, в которой отражается зависимость коллизионного регулирования от решения процессуальной проблемы – определения международной подсудности¹³. Этот подход, т.е. последовательное решение вопросов международной подсудности, внутренней территориальной подсудности и коллизии законов, получил дальнейшее развитие в процессе кодификации МЧП/МГП.

В 1995 г. примеру Швейцарии последовал законодатель Италии, в 1998 г. (кроме Грузии) – законодатель Туниса (Кодекс международного частного права), в 2004 г. – законодатель Бельгии, в 2005 г. – законодатель Болгарии (Кодекс международного частного права)¹⁴. Нужно отметить, что все-таки большинство национальных кодификаций (в том числе и принятых в XXI в.) предпочитают придерживаться “традиционной” структуры кодификации МЧП/МГП – все процессуальные вопросы, включая вопросы разграничения международной компетенции, помещаются в конце законодательного акта¹⁵.

Воспринятая грузинским законодателем структура Закона о МЧП наглядно иллюстрирует взаимосвязь МЧП и МГП. Только признав свою компетенцию, руководствуясь гл. II Закона, суды Грузии переходят к решению коллизионной проблемы. При рассмотрении дела по существу суд применяет процессуальные нормы, содержащиеся в этом же Законе, которые учитывают особенности процессуального положения иностранных лиц и возможное взаимодействие с органами юстиции других государств¹⁶.

Статья 8 Закона устанавливает общий принцип международной компетенции: грузинские суды обладают международной компетенцией, если ответчик имеет место жительства, резиденцию или обычное место нахождения в Грузии. Таким образом, основной подход воспроизводит германскую

систему международной подсудности, основанную на общем принципе права – истец следует за судом ответчика. Кроме того, суды Грузии обладают международной компетенцией, если (ст. 9): 1) ответчиками являются несколько лиц, одно из которых имеет место жительства, резиденцию или обычное место нахождения в Грузии; 2) местом исполнения обязательств, определенных договором, является Грузия; 3) иск касается ущерба, причиненного противоправными или приравненными к ним деяниями, и такие деяния или причинение ущерба совершены в Грузии; 4) спор касается филиала предприятия, резиденция которого находится в Грузии; 5) по делам об установлении отцовства либо взыскании алиментов местом жительства или обычным местом нахождения ребенка либо получателя алиментов является Грузия; 6) предметом иска являются установление права наследования и/или раздел наследственного имущества, а во время смерти наследодателя местом его жительства или обычным местом нахождения была Грузия либо его наследственное имущество находилось в Грузии.

В грузинской академической литературе высказывается мнение, что ст. 9 предусматривает частные случаи, касающиеся международной юрисдикции: по спорам, возникшим из договорных отношений, компетенция определяется на основе критерия наиболее тесной связи (по аналогии с Вводным законом к ГГУ – это место исполнения договора); по спорам из правонарушений главным фактором для установления компетенции выступает место совершения действия или причинения ущерба (так же, как это было в Германии до введения в действие Регламента ЕС Рим II); по иным спорам решающим моментом являются место жительства или обычное место нахождения¹⁷.

Поскольку положения ст. 9 обозначают альтернативную международную компетенцию грузинских судов, то можно предположить, что данный перечень не является закрытым. Во всяком случае граждане Грузии, проживающие в иностранном государстве, всегда имеют возможность обратиться с иском в суд государства своего гражданства. Если законодательство Грузии не предусматривает внутреннюю компетенцию по данному делу, однако возбуждение дела в иностранном государстве невозможно или по каким-либо причинам ведение там процесса не имеет смысла, компетентен тот суд на территории Грузии, где гражданин Грузии, проживающий в иностранном го-

¹³ См.: Лисицын-Светланов А.Г. Тенденции развития международного гражданского процесса. Дисс. ... доктора юрид. наук. М., 2003.

¹⁴ См.: Журнал МЧП. 2009. № 2(60).

¹⁵ См., например: Закон Румынии применительно к регулированию отношений международного частного права (1992); Закон Словении о международном частном праве и процессе (1999) // <http://www.iprax.de/Slowenien%20Intern%20PrivatR.htm>; Закон Украины о международном частном праве (2005) // Журнал МЧП. 2006. № 1(51); Закон Македонии о международном частном праве (2007) // Офиц. газ. Республики Македония. 2007. № 87/07; Турецкий кодекс по международному частному праву и международному гражданско-процессуальному праву (2007).

¹⁶ См.: Лисицын-Светланов А.Г. Указ. соч.

¹⁷ См.: Svanadze G. Op. cit.

сударстве, имел последнее место жительства или обычное место нахождения (ст. 17).

Исключительная международная подсудность установлена в ст. 10 Закона (перечень исчерпывающий) – суды Грузии обладают исключительной компетенцией только по искам, касающимся: 1) недвижимого имущества, находящегося в Грузии (в соответствии со ст. 149 ГК Грузии к недвижимым вещам относятся земельный участок, существующие в нем ископаемые, произрастающие на земле растения, а также здания и сооружения, которые прочно закреплены на земле¹⁸). В ст. 18 ГПК Грузии отдельно подчеркивается, что к искам о правах на недвижимость относятся не только негаторный и виндикационный, но и иски о признании права собственности¹⁹; 2) действительности или отмены решений юридического лица или его органа, когда резиденция этого юридического лица или его органа находится в Грузии; 3) регистрации юридических лиц судами или иными органами Грузии; 4) регистрации патента, товарного знака или иных прав, когда в Грузии осуществлена их регистрация либо подано ходатайство о регистрации этих прав; 5) мер по принудительному исполнению, когда в Грузии они применяются или о них подается ходатайство.

В грузинской правовой доктрине отмечается, что подход, изложенный в ст. 10, можно рассматривать в качестве защитной меры для грузинского правового режима. Постановления ст. 10 Закона представляют собой одно из препятствий для признания и принудительного исполнения решений иностранных судов на территории Грузии²⁰.

Статьи 11–16 устанавливают специальные нормы об исключительной международной компетенции грузинских судов по делам из статуса физических лиц и брачно-семейных отношений. Основным критерий для установления компетенции – гражданство лица или обычное место нахождения одной из заинтересованных сторон. Грузинский суд компетентен всегда, если “слабая” сторона правоотношения имеет гражданство Грузии или имеет в Грузии обычное место нахождения. По делам о признании лица безвестно отсутствующим или объявлении его умершим суды Грузии обладают международной компетенцией, если (ст. 11): 1) безвестно отсутствующее лицо

являлось гражданином Грузии; 2) обычным местом нахождения безвестно отсутствующего лица является Грузия; 3) сторона, возбудившая ходатайство о признании лица безвестно отсутствующим или объявлении умершим, имеет обоснованные интересы.

Формулировка ст. 11.3 вызывает вопросы: что значит – “имеет обоснованные интересы”? Какие интересы являются “обоснованными”, какими критериями должен руководствоваться суд, чтобы определить эту “обоснованность”? Данное положение Закона Грузии наглядно демонстрирует влияние немецкого законодательства. Выявление “обоснованного интереса” прослеживается в ст. 9 Вводного закона к ГГУ: если безвестно отсутствующий в момент, когда он, по имеющимся сведениям, был живым, являлся гражданином иностранного государства, то он может быть объявлен умершим согласно германскому праву в случае, когда для этого имеется обоснованный интерес²¹.

Конструкция “обоснованные интересы” представляет собой типичную “каучковую” норму, свойственную и немецкому, и швейцарскому, и вообще европейскому праву. Однако в судах Европы такие формулировки известны давно, и судебная практика уже выработала целый ряд презумпций, позволяющих достаточно конкретно определять содержание каучковых норм. Можно ли утверждать, что современная судебная система Грузии развита настолько, чтобы корректно оперировать такими растяжимыми понятиями? Представляется, что для “молодых” стран, переживающих начальный период становления судебной системы, к таким формулировкам нужно относиться осторожно. В условиях отсутствия длительной и устойчивой судебной практики использование каучковых норм может привести к необоснованному расширению свободы судейского усмотрения и судейскому произволу. При этом, разумеется, и законодательство, и судебная практика должны идти по пути освоения подобных норм и легитимного установления закрепленных в них понятий.

Под делами, связанными с браком, грузинский законодатель подразумевает расторжение, прекращение или признание брака недействительным, установление факта брака или совместного проживания супругов, а также споры, касающиеся дополнительных последствий расторжения бра-

¹⁸ См.: Каменков В. Международная и национальная подсудность споров о недвижимом имуществе // <http://www.court.by/vestnik/9-2004/eb7d6270c8e851db.html>

¹⁹ См.: Люшня А.В. Иск о признании права собственности в законодательстве России и стран СНГ // <http://www.yurclub.ru>

²⁰ См.: Svanadze G. Op. cit.

²¹ См.: Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть третья (Постатейный) / Отв. ред. Л.П. Анурьева // <http://ex-jure.ru/law/news.php?newsid=1227>

ка. По таким делам суды Грузии обладают международной компетенцией, если (ст. 12): 1) один из супругов является гражданином Грузии или был гражданином Грузии при вступлении в брак; 2) супруг, против которого возбуждено дело, имеет обычное место нахождения в Грузии; 3) один из супругов является лицом без гражданства и имеет в Грузии обычное место нахождения.

По делам о личных отношениях между родителями и детьми, происхождении детей, об установлении отцовства и связанных с этим спорах суды Грузии обладают международной компетенцией, если одна из сторон процесса имеет гражданство Грузии или имеет в Грузии обычное место нахождения (ст. 13). Следует напомнить, что по делам об установлении отцовства либо взыскании алиментов в ст. 9.5 установлен еще один критерий подсудности – грузинские суды компетентны, если местом жительства ребенка либо получателя алиментов является Грузия. Из этого можно сделать вывод, что с точки зрения грузинского права “обычное место нахождения” и “место жительства” – это разные понятия, причем для установления подсудности обычное место нахождения имеет большее значение, чем место жительства.

По делам об усыновлении (удочерении) суды Грузии обладают международной компетенцией, если оба усыновителя (удочерителя), один из усыновителей (удочерителей) или ребенок имеют гражданство Грузии или имеют в Грузии обычное место нахождения (ст. 14). Точно такой же подход применяется к делам об ограничении дееспособности физических лиц – суды Грузии обладают международной компетенцией, если такое лицо имеет гражданство Грузии или имеет в Грузии обычное место нахождения (ст. 15). Аналогично решается вопрос и по делам об опеке и попечительстве – грузинские суды компетентны, если опекун, попечитель или лицо, нуждающееся в опеке или попечительстве, являются гражданами Грузии или имеют в Грузии обычное место нахождения (ст. 16.1).

Не очень понятное положение закреплено в ст. 16.2 – “суды Грузии обладают международной компетенцией и в том случае, если опекун, попечитель или лицо, находящееся под опекой или попечительством, заявляют требования через суд Грузии”. Может ли, например, подопечный (иностранец, не имеющий обычного места нахождения в Грузии) обратиться в грузинский суд к опекуну (иностранному гражданину, не имеющему обычного места нахождения в

Грузии), временно находящемуся на территории Грузии? Представляется, что норма ст. 16.2 должна толковаться в увязке со ст. 9.1 – истец-иностранец, обычно не находящийся в Грузии, по делам опеки и попечительства вправе заявить свои требования через грузинский суд, если ответчик-иностранец, обычно не находящийся в Грузии, имеет на ее территории место жительства или резиденцию.

Институт договорной подсудности урегулирован в ст. 18 Закона Грузии “Соглашения о международной компетенции”. Стороны вправе заключить пророгационное соглашение в пользу грузинских судов даже в том случае, если эти суды не компетентны в соответствии со ст. 8–10 Закона. Такое соглашение должно быть заключено письменно или устно с письменным подтверждением. При международных торговых отношениях пророгационное соглашение заключается в форме, соответствующей обычаям международной торговли, о чем сторонам известно или должно было быть известно. Компетенция грузинского суда может быть оспорена ответчиком. Однако суды Грузии обладают международной компетенцией, если ответчик без протеста в связи с компетенцией суда соглашается на участие в процессе в случае, когда (ст. 18.2) ответчик представлен не лично, а через адвоката; судья известил ответчика о возможности заявления протеста и это извещение зафиксировано в протоколе производства по делу.

Стороны вправе заключить соглашение о международной компетенции суда иностранного государства, если одна из них имеет место жительства, резиденцию или обычное место нахождения в иностранном государстве (ст. 18.3). Грузинский законодатель ограничивает право сторон на дерогацию только “разнонациональными” отношениями. Таким образом, лица, имеющие грузинское гражданство, место жительства, резиденцию или обычное место нахождения в Грузии, не могут договориться о рассмотрении спора между ними в иностранном суде, даже если существо спорного правоотношения целиком и полностью связано с правопорядком иностранного государства. На дерогационные соглашения распространяется правило ст. 18.2 Закона.

Договорная подсудность не затрагивает споры, находящиеся в исключительной компетенции грузинских судов. Соглашения о компетенции, предусмотренной ст. 10–16 Закона, являются недействительными (ст. 18.4).

Принцип контролируемой множественности процессов (*lis alibi pendens*) регулируется ст. 19 Закона. Если по одному и тому же иску между одними и теми же сторонами осуществляется судопроизводство в Грузии и в иностранном государстве и если этот иск первым подан в компетентный иностранный суд, то суд Грузии приостанавливает производство по делу. Производство по делу не приостанавливается, если существует возможность, что суд иностранного государства в необходимый срок не примет решения или такое решение в Грузии не будет признано. Суд Грузии не принимает дело к производству, если существует решение суда иностранного государства, которое может быть признано в Грузии (ст. 19.2). Таким образом, в ситуации *lis alibi pendens* приостановление производства по делу или отказ в приеме искового заявления поставлены в зависимость от возможности признания решения соответствующего иностранного суда на территории Грузии.

При принятии обеспечительных мер суд Грузии компетентен, если меры по обеспечению подлежат осуществлению в Грузии или суды Грузии обладают международной компетенцией (ст. 20).

Глава II Закона не содержит процессуальных коллизионных норм. В ней сосредоточены положения, направленные на разрешение конфликта юрисдикций. Выражение “конфликт” в данном случае имеет иное значение, нежели в вопросе выбора закона: в случае коллизий (или конфликта) законов устанавливается критерий для решения вопроса о подлежащем применению праве, а в случае конфликта юрисдикции речь идет о признаке, посредством которого очерчиваются пределы только собственной юрисдикции²².

Процессуальные нормы (гл. IX)

Помещая нормы международного гражданского процесса в конце Закона, грузинский законодатель пошел по традиционному пути – такое решение свойственно большинству кодификаций МЧП. Статья 57 Закона “Основной принцип” закрепляет, что граждане и юридические лица иностранного государства, а также лица без гражданства пользуются в гражданском процессе на территории Грузии теми же правовыми гарантиями, что граждане и юридические лица Грузии. Данная норма неразрывно связана со ст. 21 Закона “Равенство перед законом”, но содержание ст. 57 уже – она устанавливает национальный ре-

жим для иностранных лиц только применительно к гражданскому процессу.

Сразу же бросается в глаза отсутствие в Законе Грузии специальной нормы, посвященной определению гражданско-процессуальной право- и дееспособности иностранных лиц. По общему правилу, эти вопросы регулируются личным законом сторон, т.е. современный законодатель закрепляет процессуальную коллизионную норму, позволяющую применять иностранное гражданское процессуальное право. Грузинский законодатель по какой-то причине отказался от установления подобного правила. Представляется, что, исходя из предписаний ст. 1, гражданско-процессуальная право- и дееспособность иностранных лиц определяется по правилам ст. 23 (по праву “страны, к которой принадлежит это лицо”), а применительно к апатридам и бипатридам действуют правила ст. 22 (“Личный статус”). Однако представляется, что в Законе следовало бы закрепить специальную процессуальную коллизионную норму, определяющую право, применимое к вопросам личного статуса субъектов грузинского МГП.

Одним из традиционных институтов, связанных с гражданской процессуальной правосубъектностью иностранных лиц, является судебный залог (*cautio judicatum solvi*) – внесение истцом определенной суммы в качестве обеспечения судебных расходов на случай проигрыша процесса или отказа от иска. Как правило, положение о судебном залоге не формулируется в качестве абсолютной обязанности иностранного лица – речь идет о праве ответчика требовать предоставления обеспечения, которое может ограничиваться имущественным положением иностранного лица, местом нахождения, пребывания, категорией спора²³. Институт судебного залога закреплен в законодательстве большинства стран мира. На прострaнcтве СССР впервые его установил именно Закон Грузии, безусловно, под влиянием немецкого права.

Если истец является иностранным физическим или юридическим лицом или лицом без гражданства и место жительства, обычное место нахождения либо резиденцию имеет за пределами Грузии, по постановлению суда на основании ходатайства ответчика на него может быть возложено предоставление в установленный срок гарантии возмещения судебных расходов (ст. 58.1). Требование *cautio judicatum solvi* может быть предъявлено к

²² См.: Луниц Л.А. Курс международного частного права. М., 2002.

²³ См.: Федоров И.В. Судебный залог и исполнение решений в отношении судебных расходов: международно-правовое и внутригосударственное регулирование // <http://www.kursach.com/biblio/00010100/027.htm>

иностранному лицу только в том случае, если такое лицо еще и является нерезидентом Грузии

Cautio judicatum solvi не требуется, если страна, гражданином которой является истец, не требует аналогичных гарантий от физических и юридических лиц Грузии. В отечественной литературе делается вывод, что судебный залог может быть потребован не только при отсутствии взаимности, но и в отсутствие соответствующего международного соглашения²⁴. Кроме того, ответчик должен обосновать требование о даче гарантии. Если он не в состоянии обосновать свое требование, его ходатайство не подлежит удовлетворению (ст. 58.2).

Ходатайство о требовании гарантии ответчик вносит при устном рассмотрении дела, во время которого ему дается разъяснение о праве на такое ходатайство (ст. 58.3). Решение о предоставлении гарантии принимается определением суда. В случае вынесения положительного решения по ходатайству дело рассматривается лишь после предоставления гарантии (ст. 58.4).

Одновременно необходимо заметить, что ГПК Грузии (подготовленный, как и Закон о МЧП, с помощью Немецкого общества по техническому сотрудничеству и заимствовавший целый ряд положений ГПК Германии) содержит достаточно уникальную норму, действующую и при рассмотрении гражданско-правовых споров, связанных с иностранным правопорядком. Статья 47 ГПК Грузии предусматривает оплату услуг адвоката за счет государства с учетом значимости и сложности рассматриваемого дела, если ходатайствующая об этом сторона не в состоянии нести подобные расходы, а участие в деле адвоката суд признает необходимым²⁵.

Статьи 59–61 Закона Грузии посвящены различным случаям “экстерриториальности”, т.е. иммунитету различных иностранных должностных лиц от грузинской юрисдикции. Представители действующих в Грузии дипломатических миссий, члены их семей и обслуживающий персонал миссий освобождаются от подсудности грузинским судам в соответствии с Венской конвенцией о дипломатических сношениях 1961 г. Этот порядок действует и в отношении персона-

ла дипломатических миссий из стран, не участвующих в этой Конвенции (ст. 59). Практически идентичное правило установлено в отношении членов консульского представительства на основе Венской конвенции о консульских сношениях 1963 г. (ст. 60). Подсудность судам Грузии не распространяется на представителей иностранных государств, находящихся в Грузии по служебному приглашению, и на сопровождающих их лиц; на лиц, освобожденных от подсудности судам Грузии в соответствии с общими правилами международного права или иными правовыми нормами (ст. 61). К сожалению, грузинский законодатель ничего не сказал об иммунитете иностранного государства, выступающего в качестве субъекта отношений сферы МЧП.

В отличие от большинства государств, Закон Грузии в ст. 62–67 регулирует не просто исполнение иностранных судебных поручений, а оказание правовой помощи. Это является неоспоримым достоинством Закона, поскольку исполнение поручений – всего лишь один из видов правовой помощи, которая представляет собой более широкое родовое понятие. Необходимо подчеркнуть детальное и подробное регулирование оказания правовой помощи в нормах Закона.

Для получения правовой помощи компетентные органы Грузии должны возбудить ходатайство в отношении соответствующего учреждения иностранного государства. Подобное ходатайство возбуждается, если для выяснения обстоятельств дела, установления фактов, в целях передачи документов или в иных целях необходимо совершение судебных действий за пределами Грузии. Ходатайство должно быть возбуждено за границей в отношении дипломатической миссии или консульского представительства Грузии, если необходимое действие совершается через них. Ходатайство о правовой помощи должно быть обосновано и содержать данные, необходимые для его выполнения (ст. 62). Закон Грузии предусматривает как непосредственные сношения заинтересованных компетентных органов (судов, нотариата), так и возможность использования дипломатического или консульского пути. Очевидно, конкретное решение этого вопроса зависит от предписаний соответствующего международного договора или практики, сложившейся во взаимоотношениях с какими-либо определенными государствами.

Суды Грузии удовлетворяют ходатайства судов иностранных государств о правовой помощи (ст. 63.1). Это – общее правило, выполнение ко-

²⁴ См.: Кудашкин В.В. Принцип тесной связи в международном частном праве // <http://www.lawmix.ru/comm/2924/>

²⁵ См.: О концепции и структуре Модельного кодекса гражданского судопроизводства для государств – участников Содружества Независимых Государств // Постановление Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств от 16 июня 2003 г. СПб., 2004.

торого не оговорено никакими дополнительными условиями. Для оказания правовой помощи не требуется наличия международного соглашения или соблюдения принципа взаимности. Возможно, грузинский законодатель имеет в виду оказание правовой помощи на основе международной вежливости.

Подтверждение того, что оказание правовой помощи осуществляется в отсутствие международного договора и не зависит от предоставления взаимности, можно найти в ст. 64 Закона, устанавливающей основания для отказа в удовлетворении соответствующего ходатайства. Правовая помощь не оказывается, если: 1) удовлетворение ходатайства противоречит основным правовым принципам Грузии (оговорка о публичном порядке в процессуальном смысле; 2) предусмотренное ходатайством действие не относится к компетенции судов Грузии. Никаких других оснований для отказа в оказании правовой помощи грузинский законодатель не предусмотрел.

Статья 64 Закона представляет собой первую норму, говорящую о публичном порядке в процессуальном смысле. В грузинской правовой литературе указывается, что прямо повлиявшее на Закон немецкое право различает публичный порядок в смысле МЧП (ст. 6 Вводного закона к ГГУ) и международный публичный порядок при признании и приведении в исполнение решений иностранных судов (ст. 328.1 ГПК ФРГ). Однако данное различие не является просто производным от текста соответствующих законов, но представляет собой результат толкования судами²⁶.

В законодательстве Грузии о МЧП/МГП терминологически такое различие отсутствует: концептуально оно определяет понятие публичного порядка только на национальном уровне. Формально Закон не проводит четкого разграничения между пониманием государственной политики в области материального права и государственной политики в области процессуального права. Однако по существу грузинский законодатель во всех нормах, содержащих оговорку о публичном порядке в процессуальном смысле, подчеркивает необходимость учета государственной политики в области процессуального права. При этом ориентация законодательства Грузии на немецкое право предполагает, что и терминологические подходы должны быть приведены в соответствие с немецким пониманием данного вопроса. Это имеет важное значение для грузинской судебной практики, поскольку есть все основания пола-

гать, что в ближайшем будущем встанет вопрос о признании иностранных решений об уплате определенных денежных сумм. Пока не было случаев приведения в исполнение таких судебных решений между Германией и Грузией, но грузинская законодательная политика позволяет утверждать, что взаимодействие между этими двумя странами уже гарантировано²⁷.

Ходатайство о правовой помощи должно быть составлено на грузинском языке или к нему прилагается заверенный перевод на грузинский язык. При представлении ходатайства на иностранном языке без приложенного перевода заинтересованная сторона должна внести аванс для выполнения и заверения перевода на грузинский язык. В данном случае удовлетворение ходатайства прямо зависит от действий заинтересованной стороны (ст. 63.3).

Хотя ст. 1 устанавливает, что Закон Грузии определяет нормы процессуального права, применяемые при производстве по делу, связанному с правом иностранного государства, первая процессуальная коллизионная норма закреплена только в ст. 64.2. Ходатайства судов иностранных государств о совершении отдельных процессуальных действий в целях оказания правовой помощи исполняются в соответствии с законодательством Грузии. С точки зрения формулировки складывается впечатление, что данное правило представляет собой процессуальный императив в пользу применения *lex fori*, а не процессуальную коллизионную норму. Однако общий смысл ст. 64 позволяет квалифицировать это положение именно как основной процессуальный коллизионный принцип – оказание правовой помощи на территории Грузии прежде всего предполагает применение ее собственного гражданского процессуального права.

Вторая процессуальная коллизионная норма закреплена в ст. 64.4. По просьбе возбудившего ходатайство суда при совершении процессуального действия могут быть применены процессуальные правовые нормы иностранного государства, если они не противоречат основным правовым принципам Грузии. В настоящее время подобный подход (т.е. применение иностранного процессуального права при оказании правовой помощи) является чрезвычайно распространенным и отражен во многих современных кодификациях МЧП/МГП. Эта норма имеет диспозитивный характер – грузинский суд *может* (но не должен) удовлетворить просьбу иностранного суда. Для применения

²⁶ См.: Svanadze G. Op. cit.

²⁷ См.: ibid.

на территории Грузии иностранных процессуальных норм требуется ходатайство заинтересованного иностранного суда и соответствие их применения основным правовым принципам Грузии.

Статьи 65–67 Закона Грузии определяют порядок передачи документов в порядке оказания правовой помощи. Передача документов иностранному государству осуществляется в соответствии с предписаниями ст. 62–64, регулирующими общий порядок оказания правовой помощи. Передача документов должна быть удостоверена учреждением, получившим ходатайство. Передача документов осуществляется при помощи заказного письма. В соответствии с международным почтовым правом передача считается осуществленной с момента сдачи документа (ст. 65).

Если сторона имеет место жительства или резиденцию за пределами Грузии и не имеет проживающего в Грузии представителя, суд может вынести определение и поручить такой стороне назначить в определенный срок лицо, проживающее в Грузии, в качестве уполномоченного на передачу документов. В этом определении стороне должны быть разъяснены последствия, которые могут возникнуть в случае неназначения лица, уполномоченного на передачу документов. Если заинтересованная сторона в течение установленного срока не назначит лицо, уполномоченное на передачу документов, то все последующие передачи документов производятся при помощи заказного письма и признаются осуществленными через месяц после их передачи почте. Этот порядок действует и в том случае, когда отсутствует подтверждение, удостоверяющее вручение документов адресату (ст. 66).

Передача в Грузии документов иностранного государства осуществляется в соответствии с нормами ст. 62–65 Закона. Если передаваемый документ не составлен на грузинском языке или к нему не прилагается заверенный грузинский перевод, адресат может отказаться от принятия документа. В таком случае документ возвращается органу, возбудившему ходатайство, с указанием основания возвращения. Адресату разъясняется его право на отказ от принятия документа (ст. 66). Необходимо подчеркнуть, что Грузия не является участницей Гагской конвенции о вручении за границей судебных и внесудебных документов по гражданским или торговым делам 1965 г. В грузинской академической литературе отмеча-

ется настоятельная необходимость присоединения Грузии к этому международному договору²⁸.

Статья 68 Закона определяет порядок признания иностранных судебных решений. В грузинской доктрине подчеркивается, что Закон в целом призван привести законодательство Грузии в соответствие с законодательством Германии, и в этом аспекте признание решений иностранных судов не является исключением. Однако между подходами обоих законодателей есть важные отличия, чрезвычайно значимые для развития грузинского правосудия. Прежде всего отсутствует развитие грузинского прецедентного права по вопросу признания иностранных решений. Судьи не утруждают себя углубленным толкованием соответствующих норм, не дают разъяснений относительно понятия признания и применяют текст Закона без его обсуждения²⁹.

Судебные решения по вопросам признания похожи друг на друга, им не хватает правовой ясности и комплексного подхода при применении Закона. На практике бывали случаи, когда грузинские суды применяли ст. 68 Закона вместе с действующими международными конвенциями. Это совершенно неправильно, потому что применение конвенции автоматически исключает применение грузинского МЧП. Кроме того, не всегда учитывается, что по вопросу признания иностранных решений Закон имеет приоритетное применение по отношению к ГПК Грузии³⁰.

При всех различиях подход грузинского законодателя к признанию решений иностранных судов очень напоминает подход, закрепленный в ГПК ФРГ. Общее правило – Грузия признает решения суда иностранного государства, вступившие в законную силу. Вступление решения в законную силу определяется правом соответствующего иностранного государства (ст. 68.1), т.е. применяется иностранное процессуальное право. Вопрос о признании решения иностранного суда рассматривает Верховный суд Грузии (ст. 68.5). Решение не признается, если (ст. 68.2): а) дело относится к исключительной компетенции Грузии. Эта норма должна рассматриваться и толковаться в соответствии со ст. 10 Закона³¹; б) в соответствии с законодательством страны, вынесшей решение, сторона не была уведомлена путем вручения повестки о вызове в суд либо были допущены иные процессуальные нарушения; в) существует всту-

²⁸ См.: *ibid.*

²⁹ См.: *ibid.*

³⁰ См.: *ibid.*

³¹ См.: *ibid.*

пившее в законную силу решение суда Грузии по тому же правовому спору между теми же сторонами или вступившее в законную силу решение суда третьей страны, которое было признано в Грузии; d) суд иностранного государства, вынесший решение, в соответствии с законодательством Грузии не считается компетентным; e) иностранное государство не признает решений судов Грузии. Здесь установлено требование взаимности и презюмируется, что взаимность должна быть гарантирована. Можно предположить, что требование взаимности не будет препятствием для признания в Грузии решений иностранных судов об уплате определенных денежных сумм³². Однако на данный момент признание решения иностранного суда возможно без взаимности, только если оно не касается имущественных прав, и законодательство Грузии не устанавливает местную подсудность соответствующих споров (ст. 68.3); f) в Грузии осуществляется судебный процесс между теми же сторонами по тому же предмету и на том же основании. Признание решения суда иностранного суда возможно после завершения производства по данному делу в Грузии (ст. 68.4); g) решение противоречит основным правовым принципам Грузии. Здесь необходимо подчеркнуть, что грузинскому законодателю следовало бы употребить более точную и корректную формулировку – “в признании иностранного решения может быть отказано, если такое *признание* (а не само решение) противоречит основным правовым принципам Грузии”.

Признание решений по брачным делам регулируется специальным образом – в признании решения отсутствует необходимость, если при его вынесении супруги являлись гражданами страны, учреждение которой приняло это решение (ст. 69.1). Во всех остальных случаях признание является необходимым, более того, обязательно решение Верховного суда Грузии о признании решения суда иностранного государства (ст. 69.2).

Исполнение решений суда иностранного государства по делам гражданского и трудового права осуществляется в том случае, если они подлежат исполнению (ст. 70.1). В норме специально выделены иностранные решения по гражданским и торговым делам. По-видимому, решения по брачно-семейным делам, требующие принудительного исполнения, отнесены к категории гражданских дел. В данной норме также говорится о требовании “исполнимости” судебных решений. Очевидно, решение должно вступить в законную

силу в государстве места его вынесения и быть исполнимым по закону этого государства. Исполнимость решения может вытекать из его текста. Очень важно, что для исполнения иностранного решения не требуется наличия международного договора.

Для принятия решения об исполнении заинтересованная сторона должна возбудить соответствующее ходатайство перед Верховным судом Грузии, поскольку принятие решения по ходатайству относится непосредственно к его компетенции (ст. 70.2, 70.3). Верховный суд Грузии принимает постановление, разрешающее исполнение иностранного судебного решения (ст. 71.4).

К ходатайству об исполнении должны быть приложены заверенная копия и заверенный перевод решения суда на грузинский язык, справка о вступлении решения в силу и обязательности его для исполнения, если это не вытекает из текста решения. Устное рассмотрение дела имеет место только по требованию какой-либо стороны. При передаче ходатайства ответчику дается разъяснение по поводу его права высказать свое мнение и потребовать устного рассмотрения дела (ст. 71.1, 71.3).

Признание решения является необходимым условием его принудительного исполнения. В связи с этим в процессе рассмотрения ходатайства должно быть установлено, соблюдены ли условия, предусмотренные ст. 68 Закона (ст. 71.2). Таким образом, решения иностранных судов подлежат принудительному исполнению при соблюдении следующих условий: а) иностранное государство признает решения судов Грузии (и, по-видимому, не отказывает в их принудительном исполнении по причине отсутствия международного договора). В российской литературе отмечается, что Закон исходит из признания решений судов иностранного государства, вступивших в законную силу, при условии, что соответствующее иностранное государство будет признавать решения судов Грузии³³; б) дело не относится к исключительной компетенции судов Грузии; в) сторона, против которой вынесено решение, была надлежащим образом уведомлена о процессе, и не было допущено каких-либо процессуальных нарушений; г) отсутствует вступившее в законную силу решение суда Грузии по тому же правовому спору между теми же сторонами или вступившее в законную силу решение суда третьей страны, которое было признано в Грузии; е) суд иностранного

³³ См.: Матвеева Т.В. Роль международного права в международном частном праве. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2006.

³² См.: *ibid.*

государства, вынесший решение, в соответствии с законодательством Грузии является компетентным; f) решение не противоречит основным правовым принципам Грузии. Здесь также следовало бы уточнить, что *исполнение* решения (а не само решение) не противоречит основным правовым принципам Грузии.

В грузинской юридической литературе подчеркивается, что пересмотр иностранных судебных решений по существу не допускается³⁴.

Утвержденное грузинским судом иностранное мировое соглашение сторон и подлежащие исполнению документы публичного характера иностранного государства исполняются на основании ходатайства, поданного в том же порядке, что и ходатайство о принудительном исполнении иностранного судебного решения. Ходатайство об утверждении мирового соглашения и исполнении иностранных документов публичного характера может быть не удовлетворено, если такое исполнение противоречит основным правовым принципам Грузии (ст. 72). Все решения (определения и постановления), принятые по делам, связанным с иностранным правом, судом первой инстанции, подлежат обжалованию в порядке, установленном процессуальным законодательством Грузии (ст. 73).

Очевидным недостатком Закона представляется отсутствие в нем норм о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений. Возможно, термин “судебное решение” для целей Закона имеет обобщенный характер, однако наиболее юридически квалифицированные кодификации МЧП/МГП посвящают иностранным арбитражным решениям специальные нормы (в Законе Швейцарии даже имеется отдельная гл. 12 “Международный арбитраж”).

Хотя при кодификации МГП Грузия в целом отказалась от немецкой модели, однако общая ориентированность на законодательство ФРГ сказалась на соответствующих положениях грузинского Закона не самым благоприятным образом. Не представляется возможным согласиться с высказанной в российской литературе оценкой, что в Законе Грузии значительное место отведено процессуальным вопросам регулирования частноправовых отношений с иностранным элементом³⁵. Нормы МГП Грузии не отличаются серьезной проработанностью, главное – их слишком

мало для максимально эффективного регулирования процедуры рассмотрения дел, связанных с иностранным правом. В частности, ничего не говорится о доказательствах, о распределении бремени доказывания, отсутствует решение других важных процессуальных вопросов. Кодифицируя свой МГП, грузинскому законодателю нужно было большее внимание уделить швейцарской модели и Закону Румынии 1992 г. № 105 применительно к регулированию отношений международного частного права, которые по сей день являются наилучшими образцами кодификации процессуальных аспектов споров, связанных с иностранным правом.

Кроме того, название Закона Грузии “О международном частном праве” недостаточно точно отражает его содержание. Абсолютно справедливым представляется мнение, что “помещение норм международного гражданского процесса и международного частного права в *отдельном источнике* – несомненно, мудрый шаг. Тем не менее название законов (“О международном частном праве”) не может адекватно отражать их содержание, так как в их наименовании отсутствует *процессуальный* аспект регулирования”³⁶. Заголовок представляет собой одно из средств выражения содержания группы юридических норм или одной нормы³⁷. Намного более корректными представляются, например, решения турецкого и чешского законодателей, озаглавивших свои кодификации “О международном частном праве и международном гражданском процессе”. Несомненным достижением таких решений является не только то, что нормы МГП изымаются из национальных ГПК и ГК и выделяются в отдельный закон, но и то, что сам термин “международный гражданский процесс” ставится в одном ряду с термином “международное частное право” и выносится в название Закона³⁸.

Оценивая положения Закона Грузии, посвященные вопросам МГП, грузинская правовая доктрина утверждает, что и нормы Закона, и практика их применения подтверждают высокую степень готовности грузинских судов и предсказуемость грузинского законодательства для признания и исполнения решений иностранных судов. В частности, в 2008 г. Верховный суд Грузии вынес два решения (№ а-2230-sh-7104 от 11 февраля 2008 г. и № а-300-sh-19-08 от 19 марта 2008 г.) о признании немецких судебных решений по вопросам

³⁴ См.: Svanadze G. Op. cit.

³⁵ См.: Осавелюк Е.А. Определение места международного гражданского процесса в системе российского права. Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2005.

³⁶ Там же.

³⁷ См.: Алексеев С.С. Общая теория права. Курс. В 2-х т. Т. 2. М., 1982.

³⁸ См.: Осавелюк Е.А. Указ. соч.

семейного права. Широкий спектр проблем подлежит судебскому толкованию, и суды должны подходить к этому очень осторожно и взвешенно, чтобы достичь высокого уровня единого подхода³⁹.

В отечественной доктрине права большинство ученых придерживаются концепции, что наиболее совершенной представляется практика тех стран, где принимаются специальные законы по вопросам МЧП/МГП. К числу таких стран отно-

сится Грузия. Предметом обсуждения может быть полнота правового регулирования грузинского Закона, однако бесспорно, что данный кодификационный акт удобен для применения и позволяет создать единые процессуальные нормы для определенной категории дел. В целом по сравнению с законодательством других республик СССР в Законе Грузии наиболее полно и последовательно закреплено как коллизионное, так и процессуальное регулирование отношений с иностранным элементом⁴⁰.

³⁹ См.: *Svanadze G.* Op. cit.

⁴⁰ См.: *Лисицын-Светланов А.Г.* Указ. соч.